

СОЦИОЛОГИЯ: ПРИЗВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ ТОБИ ХАФФОМ

— *Уважаемый профессор Хафф, я хотела бы начать наше интервью с вопроса, который мы традиционно задаем. Как Вы стали социологом? Что повлияло на Ваш выбор социальных наук и, в частности, социологии?*

— Когда я был молод и рос в южном Майне, у меня не было никакого представления о том, что такое социология. Я был увлечен естественными науками, электроникой и химическими опытами, поэтому, когда стал студентом, то изучал химию. Но, хотя я и был заинтригован физикой, химией и естественными науками, меня очень интересовали «глобальные вопросы» о жизни, как философские, так и теологические. В тоже время, учитывая мои интеллектуальные наклонности, несколько старших наставников посоветовали мне заняться социологией, что я и сделал. Когда я познакомился с работами Макса Вебера, Эмиля Дюркгейма, их последователей и теми важными социологическими проблемами, которыми они занимались, я увлекся этой наукой на всю оставшуюся жизнь. Поле социологии настолько широко и объемно, что в нем можно изучать огромное множество вопросов. Это позволило мне заняться своей темой.

— *1960–1970-е гг. ознаменованы теоретическим и методологическим «бумом» в американской социологии. Какие социологические идеи и направления сформировали Ваши социологические взгляды в начале научной деятельности?*

— Как я уже говорил, вопросы, которыми занимались Макс Вебер и Эмиль Дюркгейм, определили мою многолетнюю приверженность сравнительным и историческим исследованиям. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. я не думал, что какая-либо из новых «методологий», будь она качественной или количественной, могла оказаться полезной для моей работы. Мне казалось, что ответвления «феноменологии», «этнометодология», разные формы социологиче-

Toby E. Huff — Chancellor Professor Emeritus, Department of Policy Studies, University of Massachusetts, Dartmouth, North Dartmouth; Research Associate, Department of Astronomy, Harvard University, Cambridge, Massachusetts (thuff@fas.harvard.edu)

Тоби Хафф — почетный профессор, Факультет политических исследований, Массачусетский университет, Дартмут; научный сотрудник, Факультет астрономии, Гарвардский университет, Кембридж, США (thuff@fas.harvard.edu)

ской феноменологии, а позже «новая герменевтика» не могут привнести что-то ценное в социологический анализ. Когда в конце 1970-х я познакомился с новыми переводами Гая Уокеса сложных методологических исследований Вебера «Рошер и Книс» (Weber 1976) и «Критика Стаммлера» (Weber 1977), то был поражен тем, что Вебер осмыслил все эти сложные философские вопросы и усиленно критиковал эти школы. В связи с этим я написал небольшую книгу «Макс Вебер и методология социальных наук» (Huff 1984). Следует добавить, что в то время я был глубоко погружен в популярные в то время дискуссии по философии науки, инициированные Н.Р. Хансоном, Карлом Поппером, Томасом Куном и др.

Математическая социология находилась на начальной стадии становления, но я не думал, что она принесет пользу моей работе. Тем не менее, в 1980-х гг., благодаря распространению персональных компьютеров, я открыл для себя некоторые способы использования как графических, так и количественных данных, что применялось мной в преподавании уголовного права. Я создал программу, которую назвал «Мак Лаб». Эта программа позволяла моим студентам отображать географические зоны с высоким и низким показателем стандартных измерений криминального поведения, используя национальную и локальную статистику преступлений. Но в количественном анализе данных тогда все еще применяли бумагу и карандаш.

Мне повезло, что в 1984 г. Джим Дэвис, ведущий количественный социолог в Гарварде, пригласил меня на свой семинар, финансируемый Фондом Слоуна (Sloan Foundation), на котором персональные компьютеры впервые внедрялись в преподавание социологии. Джим Дэвис проявил интерес к моим скромным попыткам в этой области, но сам семинар был посвящен обучению преподавателей анализу опросных данных и его применению в учебных курсах. Поскольку я был старшим по должности на своей кафедре, то был одним из немногих на этом семинаре, кто смог применить это в преподавании. Данные, которые мы анализировали, собирались Национальным Центром Изучения Общественного Мнения (NORC) инструментом под названием General Social Survey, начиная с 1972 г. Это продолжается и в настоящее время, сейчас база содержит около 60000 интервью по самым разнообразным темам и сотням переменных, все они представлены в открытом онлайн доступе.

В результате участия в гарвардском семинаре я приобрел навыки анализа данных социальных опросов и разработал наборы данных переписи населения США в Юго-Восточном Массачусетсе, чтобы ответить на некоторые вопросы, связанные с образованием и этнической принадлежностью в этом регионе. В связи с семинаром я разработал учебное пособие по начальному анализу опросных данных американского общества, которое я использовал в обучении бакалавров с 1986 по 2002 г. Это казалось мне лучшим способом знакомства студентов с социологией, в отличие от идейного подхода, который можно наблюдать во многих курсах.

Но все это было отступлением от моих основных интересов, связанных со сравнительной и исторической социологией и проистекающих из уникальных исследований Вебера.

— В *Новой Школе Социальных Исследований*, где Вы учились в аспирантуре, Вашим научным руководителем был известный социолог Бенджамин Нельсон. Что в работах и личности Нельсона вдохновило Вас и оказало наиболее сильное влияние?

— Нельсон был уникальным человеком во всех отношениях. В отличие от многих преподавателей факультета, Нельсон интересовался своими студентами, воодушевлял их и в действительности больше предпочитал проводить время с ними, чем со своими коллегами, особенно на конференциях. Он был прекрасный оратор, и, казалось, имел неиссякаемые знания по многим вопросам. По образованию он был медиевист, но после знакомства с работами Макса Вебера перешел в социологию. Он поддерживал дружеские отношения со многими крупными и известными социологами, такими как Толкотт Парсонс, Роберт Белла, Клиффорд Гирц, группой коллег, основавших Общество научного изучения религии (Society for the Scientific Study of Religion), а также со многими ведущими философами науки. Между Нельсоном и Робертом Мертоном было как большое взаимное уважение, так и соперничество. Нельсон был отличным корреспондентом и иногда намекал, что переписывался со всеми крупными интеллектуалами своего времени, включая, например, Карла Юнга. Этот список включал как философов, которых я уже упомянул, так и многих других.

Именно Нельсон вдохновил меня и других студентов заняться исследованиями в области сравнительной исторической социологии. В конце 1960 — начале 1970-х гг. Нельсон был увлечен многими вопросам социологии и истории науки. Благодаря историческому образованию медиевиста он обладал глубокими знаниями о религиозном контексте, в котором работал Галилей в 1616 и 1632 гг., изучая гелиоцентрическую гипотезу.

В тот период Нельсон погрузился в недавно опубликованные работы Джозефа Нидэма, посвященные китайской науке и цивилизации. Нельсон пришел к мысли, что Нидэм продвинулся в кроссцивилизационных исследованиях дальше Вебера, поэтому обратился к «проблеме Нидэма»*. Более сложным вопросом было то, что Нидэм являлся марксистом, католиком и антивеберийцем. Вряд ли можно было проигнорировать вызов, брошенный исследованиям Вебера.

Итак, с помощью одного или нескольких своих студентов из Азии Нельсон начал работать над эссе, оценивающим многочисленные социологические идеи Нидэма. Работая над этим эссе, Нельсон использовал свои обширные познания в области европейской религии, науки и философии.

Я увлекся вопросом о том, что происходило с арабо-исламской наукой. В тот момент считалось, что христианство оказало пагубное влияние на развитие на Западе науки (несмотря на все ее успехи). Однако при этом было представление, что, по крайней мере, когда-то ислам способствовал научным

* Так называемая проблема Нидэма («главный вопрос Нидэма») заключается в исследовании причин невозникновения современной науки в технологически более развитом Китае и появления ее в Европе. — Ю.П.

изысканиям. Таким образом, эти две противоположные ситуации составили благоприятный экспериментальный контраст. Вместе с тем, было ясно, что что-то серьезно пошло не так в исламском мире.

Классическая работа Роберта Мертона «Наука, технология и общество в XVII веке» («Science, Technology and Society in the Seventeenth Century England», его диссертация в Гарварде, написанная в 1936 г.) стала отчасти подоплекой всего происходящего как самая важная работа из когда-либо написанных по социологии и истории науки. Тем не менее, ни один из студентов Мертона не последовал по этому пути сравнительного исторического анализа. Очевидно, что и я бы не выбрал цивилизационный анализ и социологию науки, если бы не пример и поддержка Нельсона.

— *В своих исследованиях Вы уделили особое внимание факторам, которые определили становление современной науки именно на Западе. В этой области Вы продолжили исследования Вебера, Нидэма и Нельсона. Что привело Вас к изучению проблемы возникновения и развития науки?*

— Как я уже говорил, я заинтересовался вопросами успеха современной науки, контекст которым составляли работы Вебера, Нельсона, Мертона и Нидэма. В отличие от многих ученых своего поколения, Нельсон полагал, что христианская мысль способствовала развитию современной науки, в то время как продолжительная история ислама наводила на мысль, что именно он являлся препятствием для научного развития.

Монументальное исследование Нидэма* было в действительности о технологии, а не о науке. Вдобавок, в начале 1970-х гг. новая группа историков арабско-исламской науки начала публиковать результаты, указывающие на то, что арабская наука была намного более многообещающей, чем предполагалось ранее. Появились новые исследования, например, об арабском астрономе Ибн аль-Шатире (ум. 1375 г.). Он работал в Дамаске в XIV в. и создал астрономические модели, которые были математически эквивалентны некоторым моделям Коперника, хоть и оставались полностью геоцентрическими. Другими словами, имелось математическое сходство, но астрономической революции не произошло. Кроме того, было еще много других новых исследований о достижениях арабской науки.

Таким образом, несложно было обнаружить поставленный перед нами важный вопрос цивилизационного и сравнительного характера: почему арабская наука не смогла создать новую науку, учитывая исключительно высокий уровень дискурса в его «золотой век»? Более того, исследования Вебера ясно показали, что изучение того, «почему современная наука возникла только на Западе» — параллельно вопросу «почему современный капитализм сформировался только на Западе?». Поэтому ответ на вопрос, почему современная наука уникальна для развития Запада, «стал следующим шагом», как отметил Вебер в заключении своего труда «Протестантская этика и дух капитализма» в 1904—

* Имеется в виду серия книг «Наука и цивилизация Китая» (Science and Civilization in China), издаваемая с 1954 г. издательством Cambridge University Press под научным руководством Джозефа Нидэма (Joseph Needham). — Ю.П.

1905 гг. И поскольку Нидэм также осознал это, хоть он и не упоминал в своих трудах Макса Вебера, изучение этого вопроса стало необходимым.

С социологической точки зрения, существовало два подхода к этой проблеме. С одной стороны, Мертон говорил о появлении «этоса науки», задающем «аффективную окраску комплексу ценностей и норм», которые, в свою очередь, принимаются как обязательные для ученого. Другое направление этого социологического подхода было ориентировано на изучение эволюции роли ученого, что стало предметом исследования Иозефа Бен-Дэвида (Ben-David 1971), который едва ли признавал значение работ Мертона или концепцию этоса науки.

Идея «парадигм» и «сдвига парадигм» Томаса Куна была интересна для понимания изменений в современной научной практике, но она не давала выхода к сравнительной истории наук. С другой стороны, Кун затрагивал «метафизические условия, без которых ни один индивид не является ученым», однако не упомянул о том, каковы они и как возникают. Я решил, что это направление исследований заслуживает того, чтобы им заняться, и лишь после того, как опубликовал «Становление ранней современной науки: ислам, Китай и Запад» (Huff 1991), я смог коротко и ясно ответить на этот вопрос.

Джозеф Нидэм затронул большое количество социальных и культурных факторов, влиявших на научное мышление в Китае на протяжении веков, но это был настолько широкий и всеохватывающий спектр факторов, что было трудно их адекватно оценить. Казалось, он говорил одно в одном случае, и нечто совсем отличное — в другом. Тем не менее, появление его эссе «Великое титрование» (Needham 1969) в рамках этого подхода было вдохновляющим событием и шагом в правильном направлении.

В конце концов, именно пророческое понимание Нельсона открыло путь моим исследованиям. В одной из своих главных работ Нельсон писал, что «едва ли важно, опередил ли конкретный народ греков в той или иной научной дисциплине — например, в химии, оптике и математике. Фундаментальный вопрос заключается в том, произошел ли комплексный прорыв в этике мышления и логике решений, который открывает возможность творческого продвижения по направлению к более широким универсалиям дискурса и участию в утверждении усовершенствованных *обоснований*» (Nelson 1981: 98–99).

Это утверждение Нельсона несколько неоднозначно и сложно, но если он был прав, то ответ на вопрос об успехе или стагнации арабо-исламской науки находился не в технических деталях ее научных исследований, в каких-то ошибках астрономии, математики, оптики или медицины. Напротив, он мог быть найден в культурных, институциональных и интеллектуальных структурах, которые либо открывали перспективы научного исследования, либо препятствовали его развитию. Тем не менее, ни один из ведущих исследователей, комментирующих проблему арабской науки (кроме очень узкого круга специалистов в этой области), не знал в действительности о достижениях или неудачах арабской науки. Попытка Джозефа Бен-Дэвида проследить траекторию развития роли ученого, начиная с греческой античности вплоть до XVII в., никак не затронула обсуждение арабских достижений и преуменьшила значимость европейских университетов.

— *Пересмотрели ли Вы подходы своих интеллектуальных предшественников и каковы Ваши оригинальные выводы и вклад в эту область исследования?*

— Моей первой задачей было восполнить пробел в собственных знаниях о достижениях арабо-исламской науки. Мне повезло, что в то время стало появляться много новых материалов об истории арабской науки, и еще мне повезло поработать с ведущим экспертом по арабской науке в Гарварде. Это был А.И. Сабра, уроженец Египта, который изучал западную науку и оптику XVII в. в Лондоне, а после посвятил много времени и энергии изучению монументальных оптических произведений Ибн аль-Хайсама. Особенность Сабра заключалась в том, что он изучал и понимал исламскую философию и, главным образом, калам (теологию) и их влияние на арабскую науку. Сабра позже получил медаль Sarton за достижения в истории наук (Sarton Medal for Achievements in the History of Science, 2005).

По мере продвижения моего исследования мне стало казаться, что любое адекватное объяснение возникновения современной науки на Западе и того, что она не могла появиться в другом месте, должно было учитывать несколько факторов, это должен был быть своего рода «многомерный» анализ. Требовалось исследовать религиозные проблемы ислама и христианства, теологические и философские вопросы, а также правовые и институциональные структуры. Было ясно, что христианская теология и западное право отличались от схожих теологических и правовых структур ислама. С религиозной или теологической точки зрения стоял вопрос об уровне свободы, допускаемой в дискуссиях в каждой из этих религий, и, в то же время, какова была природа правовых структур ислама? Было очевидно, что христианская теология была пронизана греческим рационализмом, философия была признана «служанкой» теологии и можно было задавать всевозможные гипотетические вопросы в университетах Европы, что очевидно присуще христианскому мировоззрению.

Напротив, исламская религиозная мысль настороженно относилась к греческой философии и не разрешала ее преподавание в медресе. В то же время, я обнаружил, что медресе не были юридически автономными образованиями, как университеты на Западе. То есть медресе было «благочестивым даром», посвященным духу ислама (что означало, что греческая философия там не допускалась), и его целью было сохранение и передача «ниспосланных наук», т. е. исламской религиозной мысли и исламского права, наряду с исследованиями Корана и хадисов. Кроме того, специалист по исламскому праву (который преподавал только одну из четырех исламских правовых традиций) был воплощением мусульманского ученого и господствовал в медресе. Наконец, однажды составленная учебная программа в медресе не могла быть изменена.

Все это в корне отличалось от европейских университетов, которые появились в XII–XIII вв. Прежде всего, они были юридически автономными образованиями (юридическими лицами или корпорациями), которые могли вводить собственные правила и положения, корректировать учебный план, владеть собственностью, покупать и продавать ее, могли судить, быть судимыми и т. д. Учитывая такую институциональную структуру, было легко предположить, что на самом деле средневековые университеты сформировали среду, в которой

могла возникнуть роль ученого, появиться европейцы, вовлеченные в курсы обучения сочинений о природе Аристотеля, которые требовали изучения физики, метеорологии, растений, животных и т. д. Что касается других цивилизаций, то нигде в мире просто не существовало подобной институциональной структуры — ни в Индии, ни в Китае, не в последнюю очередь из-за нехватки тех новых юридических структур, которые канонисты и цивилисты создали в то время наподобие римского *Juris Civilis** и канонического права. Кроме того, в этих цивилизациях не было научных канонов вроде великого Органона Аристотеля.

Были и другие греческие и римские философские традиции, которые отделили Западную Европу от ислама, Китая и Византийской цивилизации, но я не буду вдаваться в эти подробности. Следует отметить, что византийские школы высшего образования не обладали корпоративным правовым статусом, который оформился в Западной Европе, и в них не преподавались труды Аристотеля, хотя теоретически они были доступны.

В случае с Китаем, Нидэм уже отмечал, что там не существовало каких-либо высших учебных заведений, в которых преподавались бы естественные науки. Экзамены для поступления на государственную службу не содержали практически ничего научного, за исключением непродолжительного периода правления династии Мин. И это все, что можно сказать о научных традициях Китая. Более того, в Китае отсутствовала концепция о правовой автономии какой-либо группы или института. Целью традиционного китайского права было строгое наказание, а не облегчение социальной или экономической действительности. Курс обучения был составлен не независимыми учеными, а правительственными чиновниками, основной заботой которых было сохранение традиций конфуцианства. Отсутствовало социальное пространство, в котором ученые могли развивать независимые научные или философские идеи.

Я сохранил без изменений свой аналитический подход к проблемам, касающимся становления современной науки.

— Будучи научным сотрудником в Калифорнийском университете в Беркли, Вы участвовали в семинаре, которым руководил Роберт Белла. Эволюционистский подход Белла к религии противопоставлен методологии сравнительного исторического анализа Нельсона. Нашли ли Вы способ разрешения противоречий и напряженности между этими подходами?

— Мне кажется, справедливым будет сказать, что Роберт Белла хотел, чтобы я принял участие в его семинаре National Endowment for the Humanities, поскольку я был студентом Нельсона. Нельсон восхищался кроссцивилизационными работами Беллы, особенно исследованием, посвященным Японии Токугавы, поэтому Нельсон считал, что их перспективы, по крайней мере, были совместимы. Тем не менее, конфликт перспектив был, хотя я бы не стал называть это конфликтом методов. Вопрос скорее состоял в том, может ли какое-либо гуманистическое научное изыскание быть критическим по отношению к другой традиции. Профессор Белла считал, что нам следует пытаться проникнуть в глубинный смысл каждой культуры и сферы духовного лишь с намерени-

* Гражданское право (лат.) — Ю.П.

ем стать более просвещенными. Все культуры и цивилизации, с этой точки зрения, равны если не в достижениях, то в своей мудрости. Это значит, что такие вопросы, как «Что пошло не так в арабской науке?» или еще хуже «Почему арабская наука не смогла создать современную науку, имея интеллектуальные преимущества на протяжении сотен лет?» не должны быть поставлены. Тем не менее, могу лишь сказать, что пребывание в университетском городке Беркли и благотворное влияние острого ума Белла были для меня огромным удовольствием.

Я уже начал работать над своим арабо-исламским проектом, изучая культуру и цивилизацию ислама в самом широком смысле. Естественно, я обращался к Нельсону за наставлениями, и мы плодотворно общались, особенно когда он посетил нас в Калифорнии в феврале 1977 г. К сожалению, той осенью Нельсон отправился в Германию с курсом лекций и уже никогда не вернулся. Причиной стал сердечный приступ, который произошел в поезде на Тюбинген в сентябре. Никто не был готов к потрясению, вызванному неожиданной кончиной Нельсона в возрасте 66 лет. Кроме того, Нельсон, я и другие его студенты планировали выпустить сборник его сочинений, который бы включал его критические эссе и публикации, но отбор работ едва ли был закончен. В данном случае это значило, что прежде чем кто-либо из нас продолжит свои собственные исследования, нам предстояло закончить эту работу.

Тем не менее, пока я находился в Беркли, посещая семинары Белла, я написал свою первую работу по арабской науке, стараясь применить перспективу цивилизационного анализа Нельсона. Но на тот момент я попытался проводить исследование в русле работ Нельсона по «структурам сознания и научной мысли». Это был подход, связанный с семинаром Белла и его задачей изучения других культур. Окончательное название статьи, написанной по результатам семинаров Белла, было «Структуры веры, рациональность и наука: заметки о директивных структурах ислама» («Structures of Faith, Rationality and Science: Notes on the Directive Structures of Islam»). Я представил версию этой работы, которая называлась «Директивные структуры и образы мышления в классическом исламе» («Directive Structures and Modes of Thought in Classical Islam»), на ежегодном собрании Международного общества по сравнительному изучению цивилизаций (International Society for the Comparative Study of Civilizations), которое проходило в Милуоки, Висконсин в 1978 г.

Мне посчастливилось быть приглашенным в качестве сотрудника в Институт перспективных исследований в Принстоне на академический год (1978—1979 гг.). Хотя проект по Нельсону не был причиной этого визита, я подготовил его критические работы по цивилизационному анализу и отправил их издателю в 1979 г. В 1981 г. издательством Rowman & Littlefield была опубликована книга, которая называлась «Сознание, наука и цивилизации. Избранные сочинения Бенджамина Нельсона» (Nelson 1981). Эта книга была переиздана в 2012 г. издательством Lexington Books.

Кроме того, я все не мог закончить свое разрастающееся исследование по методологии Макса Вебера, которое я начал еще до поездки в Беркли и над которым продолжал работать во время визита в Принстон.

— *Россия «встретилась» с европейской наукой только в XVIII в. Как можно объяснить тот факт, что Россия добилась значительного прогресса в науке, хотя ее культурные рамки и институциональные структуры значительно отличались от западных, в контексте которых, по Вашему мнению, возникла современная наука?*

— Я хотел бы отметить заслуживающее особого внимания различие между рождением науки в одном месте и дальнейшими попытками адаптации и ассимиляции ранее изобретенных культурных и институциональных структур современной науки.

Хотя возникновение западных университетов в XII-XIII вв. сделало их главным местом надежного и долгосрочного развития науки, можно представить альтернативные структуры, в которых долгосрочные научные исследования могли бы иметь место. Наиболее значимыми условиями для этого были бы относительная автономия ученых, позволяющая развивать собственные идеи и программы, свобода обмена научными результатами как внутри страны, так и за ее пределами. В некоторых научных областях ученые могут проводить исследования в передовых направлениях за относительно короткий период времени, но если они отрезаны от внешней информации и коммуникации, то вероятнее всего, что некоторые перспективные направления будут ими проигнорированы, в то время как ученые, включенные в более широкие транснациональные сети, будут успешнее в разработке передовых инноваций.

С точки зрения сравнительного и цивилизационного подходов, примечательно, что развитие современной науки в России началось только в XIX в. Это примечательно именно потому, если я правильно понимаю, что в России не было наследия выдающихся научных достижений в древности, какие были в Китае и исламском мире. Мне кажется, что если сравнивать научные успехи России XIX в. с достижениями мусульманского мира, Китая или, скажем, Индии, то российские достижения выделялись бы. Это было бы тем более верно, если говорить о начале XX в. Расхождения между достижениями современных российских ученых с китайскими, мусульманскими или индийскими, несомненно, являются важным научным вопросом для будущих исследователей науки и цивилизаций. Как так произошло, что российские исследователи менее чем за век смогли превзойти научные достижения всего мусульманского мира и китайского, цивилизаций, обладающих длительной историей научных достижений?

Как мне представляется, решающими для продвижения современной науки являются вопросы социологического и гуманистического характера, и наблюдения Бенджамина Нельсона, о которых я уже упоминал, здесь ключевые. По его мнению, не столько важно, сделаны ли выдающиеся открытия в области физики, астрономии, оптики или медицины, сколько социальные и интеллектуальные преобразования, позволяющие осуществиться этим достижениям.

Когда смотришь на историю достижений в отдельных научных дисциплинах в России в советский период, поражаешься высокому уровню научных исследований, особенно во многих специфических областях современной физики, генетики, экспериментальной психологии и др. Тем не менее, удивительно,

насколько мало Нобелевских премий было присуждено советской науке в области естественных наук (в том числе и медицинских) в XX в. У меня нет полного списка лауреатов Нобелевской премии, но, за исключением лауреатов по литературе и экономике, было только 16 победителей из России, несмотря на большое население. Эта ситуация контрастирует с 20 премиями Швейцарии при ее небольшом населении в 6 млн. человек. Учитывая этот рейтинг, Россия пока не находится на одном уровне с Германией, Францией, Великобританией и США, хотя ее население значительно превышает население каждой из этих стран. Более того, официальные советские данные утверждали, что советское научное сообщество было численно больше, чем во всех европейских странах вместе взятых, и в полтора раза больше, чем в Японии. Один из представителей Госплана СССР официально заявил, что средний советский исследователь был в четыре раза более продуктивен, чем средний американский ученый (Graham 1998: 89). Это говорит о том, что советская идеология была не идеальной для создания научных инноваций.

Как я уже говорил, я пришел к выводу, что с социологической точки зрения, существуют так называемые культурные и метафизические допущения, которые должны быть доступны в случае проведения научного исследования и стремления достигнуть полной реализации интеллектуальных способностей. Я впервые изложил эти условия в журнале «Society Magazine» в 1994 г. (т. 32, № 5, с. 6–7). Позже они были опубликованы в работе «Наука и метафизика в трех монотеистических религиях» (Huff 2000). Они могут быть сформулированы следующим образом:

Во-первых, должно быть убеждение в том, что природа есть рациональный порядок, т. е. всеохватывающая, упорядоченная и предсказуемая реальность. Без такого аксиоматического положения мы не смогли бы научно понять и объяснить мир.

Во-вторых, научное мышление основывается на убеждении, что человек наделен разумом и интеллектуальными способностями, чтобы понять устройство природы. Конечно, отдельные теории могут содержать ошибки, но предполагается, что со временем природа раскроет свои секреты для рационального изучения.

В-третьих, должно признаваться само собой разумеющимся, что не только допустимо, но даже обязательно для мужчин и женщин использовать ресурсы мышления, чтобы подвергать сомнению все утверждения, претендующие на истину, включая религию, политику, этику и собственно научные суждения. Это еще один способ формулирования догадки Нельсона, которая оказалась очень важной для меня.

Последнее условие является решающим, потому что нет никакой гарантии, что интеллектуальная элита какого-либо конкретного общества или цивилизации согласится, что обычным смертным позволительно, — особенно для непрофессионалов, — открыто высказываться, оспаривать и разрушать традиционные представления, основанные на научных результатах, и, кроме всего прочего, искажать истину, представленную в священных книгах или партийных программах. Для многих частей земного шара сегодня не очевидно то, что

официальная информация, которая описывает общее благополучие (или плохое состояние здоровья) народа, может быть публично обнародована или обсуждаема. Во многих обществах на сегодняшний день все виды социальной статистики, экономических данных и отчетов об общественном здоровье считаются государственной тайной и не могут быть опубликованы или обсуждаться без получения официального разрешения или риска уголовных санкций, особенно в Азии или на Среднем Востоке.

С этой точки зрения, я считаю чрезвычайно важным наличие публичной сферы, где все фундаментальные вопросы науки и общества, экономического, психологического и общественного благополучия могут обсуждаться публично без вреда или опасений его причинения со стороны государственных органов. Соответственно, для процветания науки в любом обществе или цивилизации я считаю существенным, чтобы все науки — социальные, экономические, политические, а также естественные — были открыты для необходимых критических оценок и корректив социальной политики, которые могут возникнуть только в ходе обсуждений.

— *Можно ли считать западную науку цивилизационным феноменом с большим «коэффициентом распространения» (по выражению Дюркгейма-Мосса)? Каковы факторы и условия «распространения» науки?*

— Вместо того чтобы говорить о возможном «коэффициенте распространения» науки, я бы рассмотрел науку как «цивилизационный комплекс», т. е. особый набор структур (интеллектуальных и институциональных), вписанных в определенную цивилизацию. Использование этого термина Нельсоном было отчасти двусмысленным, поэтому я бы предпочел говорить о «цивилизациях» или «цивилизационных конфигурациях» в отношении самых масштабных культурных образований, составной частью которых являются «цивилизационные комплексы».

Если мы берем современную науку как комплекс, встроенный в западную цивилизацию, тогда попытка понять ее сущностные составляющие и то, каким образом они могут быть перенесены в другие цивилизации — не в другие западные общества, — будет непростой задачей. В последние четыреста или пятьсот лет современная наука практически полностью является продуктом западной цивилизации. При таком историческом положении дел вопрос заключается в том, может ли этот цивилизационный комплекс быть успешно перенесен в другие цивилизации — в мусульманский мир, Индию, Китай, Россию. Мы можем согласиться, что современная наука была успешно применена в России и на счету у российских ученых множество успехов. Однако, как уже было замечено, различные объективные показатели наводят на мысль, что Россия, несмотря на наличие очень крупной научно-технической организации, высокого уровня финансирования и даже занятую в XX в. авангардную позицию в современной науке, вероятно, не в полной мере реализовала свой потенциал.

Наконец, я хотел бы подчеркнуть важность правовых гарантий, которые, как я подозреваю, не полностью представлены в российском законодательстве. Начиная с XII—XIII вв., статусом правовой автономии были наделены различные социальные, политические, благотворительные и профессиональные груп-

пы. К примеру, и врачи, и юристы формировали юридически автономные ассоциации, что позволяло им устанавливать собственные правила и уставы, и эта традиция с уважением сохранялась в Европе на протяжении веков. Ситуация в России, напротив, кажется совсем другой. Например, Лорен Грехам в коротком изложении биографии Петра Пальчинского обратил внимание на то, что наряду с другими обвинениями, Пальчинский был казнен за попытки установить «независимую и влиятельную профессию инженера». С учетом преобладавших тогда тоталитарных условий, попытка «не имела никакого шанса на успех в Советском Союзе, в котором все контролировалось Сталиным» (Graham 1993: 105–106). Насколько изменились условия с того времени, я не знаю. Получается, что для долгосрочного развития науки жизненно необходимо, чтобы были созданы правовые гарантии, устанавливающие автономию для всех исследователей.

— *Российское правительство недавно инициировало крайне спорную и широко обсуждаемую реформу Российской академии наук, основного научного учреждения в России, основанного еще Петром I. В результате реформы Академия утрачивает автономию, и чиновники будут вмешиваться в исследовательский процесс. Это противоречит тем факторам развития науки и знания, о которых Вы упомянули. Могли бы Вы прокомментировать эту реформу с точки зрения сравнительной социологии и результатов ваших исследований?*

— Как я уже отметил, полная автономия всех исследователей является *sine qua non* высших научных достижений и максимальной социальной пользы. Конечно, особо одаренный и настойчивый ученый мог бы продолжать свое исследование несмотря на угнетение, но даже если бы он и достиг определенного успеха, то в силу изоляции это вряд ли смогло бы продвинуть научное сообщество в целом. Этому есть много примеров в России.

Насколько мне известно, на протяжении некоторого времени высказывались мнения о реформе научно-технического комплекса России, однако каким образом это должно быть достигнуто и должны ли университеты или исследовательские институты получать большее финансирование — вопросы за пределами моей компетенции. Реорганизация научного истеблишмента и подчинение его прямому руководству президента Путина, наверно, не то же самое, что подотчетность главного Советника по науке и технологиям в США (должность, учрежденная десятилетия назад) — президенту Обаме.

Как уже было отмечено, я придаю большое значение автономии всех профессионалов, и моя первая реакция — сомнение в благоразумности того, чтобы назначить бюрократов ответственными лицами за научные исследования. Кроме того, реальные культурные условия, природа коллегиальности, относительная автономия младших и старших сотрудников в рамках одной научно-исследовательской организации, наряду с соответствующим распределением привилегий и ресурсов, имеют решающее значение. Это вещи, о которых я мало знаю и могу лишь пожелать, чтобы они стали предметом изучения.

Как я уже говорил, по всей видимости, Россия упустила возможность инициировать или внести значительный вклад в ИКТ (информационно-коммуникационно-техническую) революцию в конце XX в. именно по социальным

и политическим причинам, а не по какой-либо ограниченности понимания квантовой физики или подобных дисциплин (Graham 1993: 209–211). Кроме того, она пропустила революцию открытия ДНК из-за идеологических пристрастий в высших кругах советской биологической науки.

ИКТ-революция стала возможной благодаря научным прорывам конца XIX — начала XX вв. — революции беспроводной технологии и последующим открытиям в квантовой физике (Huff 1981: xlii–xliv; Graham 2013: 61–67). В этой области российская неудача в достижении прорыва, который дал начало целому ряду взаимосвязанных индустрий, составляющих большой процент мировой экономики, могла быть обусловлена иными препятствующими аспектами российской культуры, а не научно-техническим истеблишментом. Другими словами, в России отсутствует предпринимательское взаимодействие между научными и технологическим кругами.

Независимо от того, что будущие исследователи смогут выяснить о последствиях этой ситуации, мне кажется, что из реформ, которые могли бы быть предложены, следует отметить активизацию диалога между институтами, исследователями, студентами и университетскими работниками. Кроме того, по всей вероятности, российские реформаторы могли бы извлечь пользу из ознакомления с уникальной инновационной и предпринимательской культурой «Силиконовой Долины» в Калифорнии (и в других частях США) и тем, каким образом этот свободный предпринимательский дух может быть привнесен в Россию. Без сомнения, российские власти представляют историю и преимущества подобных высокотехнологичных достижений.

— *Начиная с XIX века и полемики западников, славянофилов и позже евразийцев, вопрос о цивилизационной идентичности России остается одним из наиболее дискуссионных в российском социально-философском дискурсе. По Вашему мнению, является ли Россия особым «цивилизационным комплексом»?*

— Я думаю, что Россия представляет собой отдельную цивилизационную конфигурацию. В России живет множество народов и этнических групп, многие из которых говорят на разных языках. Два фундаментальных комплекса внутри русской цивилизации, которые были, и, скорее всего, до сих пор остаются очень отличными от европейских, — это православная форма христианства и правовая структура. Я не знаю ранней истории русской православной цивилизации, но ясно, что ее правовая система не развивалась по той же схеме, что западное право.

Раскол христианства на восточное православие и западную христианскую традицию был настолько глубоким, что до сих пор до конца не преодолен. Повидимому, в православном христианстве есть глубокая мистическая традиция, отделяющая его от других направлений христианства. В общем, византийское наследие, перешедшее России, содержит множество правовых и культурных отличий от Западной Европы, и нам еще только предстоит изучить то, что позволит в них разобраться. Лишь в начале XIX века Россия начала перенимать западные правовые традиции, источником которых было каноническое и римское право.

Я уверен, что существует и много других традиций в России, которые требуют прояснения и которые я не очень хорошо понимаю. В первую очередь

я имею в виду славянские и евразийские линии. Для наглядного сравнения следует обратиться к протестантской реформации, которая стала исключительно западным явлением, — насколько я знаю, Россия никогда ничего подобного не переживала. Вне зависимости от того, принимается или нет концепция Макса Вебера о влиянии реформации на развитие современного капитализма, нет сомнений, что в Европе и России сформировались совершенно разные подходы к труду и государственной службе. В моем понимании, этика, отождествляемая с протестантской реформацией, сопряжена с высокой оценкой эффектов предпринимательского капитализма, к которому в России часто относятся с подозрением. Помимо этих особенностей, некоторые русисты отметили бы, что Россия как «современное общество» максимально отлична от всех остальных в смысле экономики, политики и философии.

— *Существует мнение, что такие явления, как рациональный капитализм, бюрократия и т. д., имеющие западноевропейское происхождение, обладают, как говорил Вебер, «универсальным значением». Тем не менее, распространение западных культурных идей и институциональных форм встречает противодействие в незападных обществах. Может ли цивилизационно-аналитическая перспектива расширить наше понимание логики, причин и условий «универсализации» или, напротив, оппозиции западным инновациям?*

— Для начала позвольте мне объяснить мой взгляд на основные современные институциональные структуры, порожденные европейской революцией Средневековья. Они были направлены на создание таких политических идей, как конституционное правительство, парламентская демократия, консенсус в принятии политических решений, право политического и правового представительства, надлежащая правовая процедура и власть автономного законодательства общественных представителей. Мне кажется, что эти условия универсально желанны большинством людей в разных частях света. Политические элиты в Китае и, возможно, в России могут сопротивляться представительному правительству, объективно избранному народом, но я готов поспорить, что если бы людям по всему миру дали выбор, они предпочли бы именно такое устройство.

Цивилизационный анализ действительно может внести свой вклад в понимание того, во-первых, как появились западные прототипы, во-вторых, как и почему они не появились в других цивилизациях, и, в-третьих, в каких случаях перенос был успешен, и почему (или почему нет). Но без глубоких исторических и цивилизационных связей сравнительные результаты будут, скорее всего, вводить в заблуждение. Я считаю эту повестку ключевой для цивилизационного анализа.

— *В этом контексте каким эвристическим потенциалом обладает концепция «межцивилизационных взаимодействий», которую разрабатывал Б. Нельсон?*

— Эвристическая ценность изучения межцивилизационного взаимодействия возвращает нас к культурному и метафизическому центру контрастирующих цивилизаций. Изучая реакции коренных народов, когда в другие цивилизации внедряются такие вещи, как парламентская демократия (проще говоря, выбор по согласию), мы можем наблюдать и понять, в чем заключены пртиво-

поставления. Изучение любого аспекта переноса современной науки в другую цивилизацию раскроет и энтузиазм поддержки, и возражения против таких перемен. Но только благодаря наблюдению такого опыта переноса в течение достаточно долгого времени результаты сравнительного и исторического анализа станут понятными. Это будет так же верно и в отношении исторического анализа научно-технического развития в России, Китае и исламском мире.

Межцивилизационный перенос западных правовых норм и концепций — другая сфера, нуждающаяся в серьезном изучении. Например, Россия, судя по всему, начала принимать западные правовые конвенции только в начале XX в., и это нуждается в изучении в сравнительных цивилизационных терминах. К сожалению, очень немногие ученые готовы заняться такими сравнительными исследованиями.

Более того, на данном этапе истории подобные исследования являются для нас единственным средством понимания долгосрочной траектории «Запада», так называемого тихоокеанского века или любого другого подобного явления. Аналогичное исследование, сосредоточенное на России, и ее сравнительной исторической траектории, — правовой, научной, политической и экономической — определенно ждет своего часа. Экономический анализ может быть полезен, но инструменты для долгосрочного макроэкономического прогнозирования слабы.

— *Проблематика модерности стала предметом оживленной социологической дискуссии в последнее десятилетие. Как Вы интерпретируете и понимаете «модерность»? Какую роль наука играет в устройстве современности?*

— Я рассматриваю модерность как констелляцию институтов, сосредоточенных на власти закона, правовых процедур и всех других упомянутых выше институциональных структур, которые максимально увеличивают участие граждан, улучшают здоровье и общее благополучие, а также уменьшают вред, наносимый окружающей среде. Беспрепятственное занятие наукой — центральный компонент всего процесса в силу того, что вдохновляет ученых на открытое и коллегиальное изучение основополагающих принципов природы, человеческого здоровья и существования. Мы знаем, что влиятельные люди, будь они религиозными, политическими или гражданскими лидерами, могут пытаться подорвать этот процесс исходя из своих интересов. Научные институты и другие профессиональные организации (как свободная пресса) являются единственной нашей защитой против этой диверсии и должны высоко цениться в любом обществе, которое зиждется на общественном благе. Иногда общество может казаться технологически развитым, но оно не может долго поддерживать этот уровень, если другие современные институты в этом обществе отсутствуют.

— *Как Вы считаете, какой процесс или историческое событие XX в. имеет или еще будет иметь долгосрочные последствия и глобальный эффект? Стали ли мы свидетелями каких-либо исторических «прорывов» и «осевых поворотов» в нашей недавней истории?*

— Я не вижу «осевого поворота» в недавнем времени. ИКТ революция — это, безусловно, значительное событие конца XX в., хотя она стала возможной

благодаря научным открытиям конца XIX в. — начала XX в. «Беспроводные» коммуникации впервые были продемонстрированы в 1890-х гг., а квантовая физика, стоящая за изобретением транзистора, сделала возможной дальнейшую миниатюризацию. Эти два научных прорыва лежат в основе Интернета и Всемирной сети.

Так же и процесс глобализации, о котором многие пишут, основан на западной экономической и правовой системе, зародившейся в Средневековье. В XX в. целью Советской России было превзойти Запад во всех отношениях — экономически, научно, технологически, политически, — но этого не случилось. Очевидно, что ни мусульманский мир, ни Индия со всеми западными заимствованиями, не поставят перед собой цель, оказавшуюся не по силам России. В гонке остается только Китай. Но правовая система Китая далека от международных стандартов практически во всех областях. До конца XX в. в Китае было только два или три серьезных университета, созданных по западной модели. В течение XX в. Китай не сделал значительного вклада в современную науку или технологию, но сейчас приступил к масштабному проекту заимствования — скрыто или нет — разнообразных достижений западной науки и западных технологий. У страны есть множество слабостей, и существуют серьезные сомнения в том, что Китай продолжит текущий путь быстрого экономического роста. Глобальный финансовый коллапс 2008 г. (хотелось бы верить) научил нас, что даже самые продвинутые экономические системы внутренне нестабильны и склонны к спадам.

И здесь тоже цивилизационная аналитическая перспектива выглядит более обещающей, чем стандартный экономический подход. Нет достаточных доказательств того, что экономическая теория способна предсказать, какая из стран будет развиваться быстрее остальных через 5, 10 или 15 лет. Наиболее вероятно, что политическая, правовая и экономическая системы Запада будут по-прежнему доминировать. В то же время не имеет значения, будут ли доминировать экономически Германия, Япония, Китай, США или Россия. Как экономический подъем, так и спад являются эфемерными событиями. Осенью 2013 г. Германия столкнулась с излишками торгового баланса на мировом рынке, которые превышали излишки баланса таких стран, как Китай, Тайвань, Сингапур и Южная Корея. Возможно, цивилизационный анализ в состоянии сказать нам то, чего экономический сказать не смог.

Стоит также упомянуть, что современный человек живет в «обществе слежки», и Соединенные Штаты, возможно, возглавляют список таких обществ, несмотря на то, что Китай имеет непропорционально больший аппарат государственной безопасности. Сингапур, вероятно, был первым «государством слежки», потому что еще в 1980-е гг. правительство приняло решение о том, что каждый гражданин должен быть электронно подключен к государственным базам данных с целью государственного учета, охраны здоровья и назначения социальных пособий. В 1990-х гг. было обнаружено, что государственные чиновники не считали предосудительным взламывать чужие компьютеры для досуда к их данным. Кроме того, все исходящие и входящие письма Сингапура проходят через прокси-серверы.

Хорошо известно, что в Соединенных Штатах каждый «щелчок», совершенный в Интернете при совершении покупок, просматривании страниц и так далее, программно записывается почти всеми компаниями, но особенно крупными фирмами — Google, Facebook, Amazon и др. Мы были предупреждены о подобном развитии в таких книгах, как «Код и другие законы киберпространства» Лоуренса Лессига (Lessig 1999). Однако поскольку этим занималось частное предприятие, это считалось безвредным. Были поданы различные иски относительно права собственности и использования этого личного цифрового следа, но нам только предстоит выяснить, кто будет контролировать его в долгосрочной перспективе. Даже авиакомпании теперь предлагают тайно собирать цифровые данные о своих пассажирах якобы для повышения качества обслуживания.

Но теперь мы знаем, что агентства правительства США, Национальное агентство безопасности (НАБ) и другие регулярно прослушивают кибер-трафик крупных веб-сайтов и многих других узлов в Интернете. Телефонный и прочий шпионаж НАБ в отношении европейцев и их лидеров является еще одной гранью этой новой реальности. Все еще предстоит выяснить, кто в Соединенных Штатах возглавит протест против этого государства слежки, но, конечно, это будет не Движение чаепития (Tea Party movement) и аналогичные правые группы, ориентированные на защиту гражданских свобод в США. Возможно, европейцы окажутся лучшими защитниками частной жизни.

— *Как бы Вы охарактеризовали нынешнее состояние социологии в Соединенных Штатах?*

— Невозможно охарактеризовать американскую социологию сегодня хотя бы без предварительного описания многочисленных мероприятий и публикаций. Очевидно, что эта дисциплина имеет очень широкую предметную область. Американская Социологическая Ассоциация имеет 52 секции, каждая из которых представляет отдельную специальность. Кроме того, есть множество других ассоциаций, изучающих такие предметы, как религия, преступность и уголовное правосудие, геронтология, и многие группы, исследующие специализированные методологии и статистические методы. Без такого серьезного анализа, все, что можно сказать, так это то, что американская социология сегодня очень многополярная дисциплина. Конечно, само собой разумеется, что сравнительно-исторические исследования редки в современной американской социологии.

— *Насколько американское социологическое сообщество восприимчиво к идеям Б. Нельсона и цивилизационной перспективе? Какова судьба социологического наследия Нельсона?*

— Цивилизационный анализ следует рассматривать как один из многих возможных подходов в современной социологии. Он привлекает ученых с широким кругом интересов и разным образованием: историков, социологов, политологов. Однако, насколько мне известно, нет кафедры социологии, на которой бы цивилизационный анализ был бы указан как специальность. Это типично для ситуации, когда крупный мыслитель создает новое направление, но не может привлечь к нему последователей. Отчасти это было связано с вне-

запной смертью Нельсона в возрасте 65 лет, когда он только разрабатывал свой новый подход. Тем не менее, Международное общество по сравнительному изучению цивилизаций (International Society for the Comparative Study of Civilizations) является частью наследия Нельсона, и множество ученых ежегодно встречаются для обсуждения цивилизационных вопросов, даже если они не вполне согласны с подходом Нельсона.

— *Цивилизационный анализ в современной социологии является очень неоднородным теоретическим направлением. Есть несколько версий цивилизационной перспективы — Н. Элиаса, Б. Нельсона, Ш. Эйзенштадта и Й. Арнасона. Насколько мне известно, в своих работах Нельсон никогда не ссылался на Элиаса или Эйзенштадта. Как Вы относитесь к другим цивилизационным подходам?*

— Нельсон был в курсе работ Элиаса и Эйзенштадта, и я думаю, что он состоял в переписке с последним. Тем не менее, хотя Нельсон всегда пытался навести мосты с другими учеными, разделявшими его интерес к сравнительно-историческим исследованиям, я не думаю, что он нашел подходы этих социологов полезными для той концепции, которую разрабатывал. Говорить о «цивилизованности» людей с точки зрения поведения за столом (как делал Элиас) кажется довольно странным. Многие люди на арабском Ближнем Востоке и в Индонезии едят традиционные блюда руками, но это плохой показатель «цивилизованности» или ее отсутствия. Индонезийцы являются одними из самых благородных и очаровательных людей, которых я когда-либо встречал.

Я также не считаю работы этих ученых полезными для моих собственных исследований. Эйзенштадт много теоретизировал, но этого недостаточно для обоснованных обобщений. Мы, безусловно, обязаны Йоханну Арнасону за то внимание, которое он привлек к цивилизационному анализу, однако мой собственный подход заключается в том, чтобы обнаружить интеллектуальную проблему, а затем окунуться в исторические материалы и социологические данные.

— *Каково Ваше собственное видение цивилизационно-аналитической перспективы? Как бы Вы сформулировали свое исследовательское кредо?*

— Моя цель заключается в создании своего рода монографии или собрания исследований, демонстрирующих протекание цивилизационных процессов и объясняющих, как и почему столь различаются их результаты в Европе, исламском мире, Китае или в других местах.

С моей точки зрения, нам необходимы всесторонне обоснованные исторические (или современные) исследования, такие как веберовское «Протестантская этика и дух капитализма», мертоновское «Наука, технология и общество в XVII веке» и многие другие в этом роде. Теоретизирование в духе Талкота Парсонса не развивает веберовскую концепцию и не дает оснований для сравнительного и исторического анализа. Следует сказать, что наибольший вклад в цивилизационные исследования внесли историки, особенно историки Европы, хотя это вряд ли было их целью.

Среди работ, незаменимых для понимания ранней, но все же долгосрочной траектории правового и институционального развития Запада, я особенно выделяю следующие: «Закон и революция. Формирование западной правовой

традиции» Гарольда Бермана (Berman 1983), «Средневековые истоки профессии юриста. Канонисты, цивилисты и суды» Джеймса А. Брандеджа (Brundage 2008), «Князь и Закон, 1200–1600: Суверенитет и права в западной правовой традиции» Кеннета Пеннингтона (Pennington 1993), «Идея естественных прав: исследования естественных прав, естественного права и церковного права, 1150–1625» Брайана Тирни (Tierney 1997). Это измерения социологического и цивилизационного анализа, которым было уделено слишком мало внимания. Есть, конечно, десятки других работ, и я мог бы упомянуть работы по исламской или китайской культуре и цивилизации. Однако дело в том, что если мы собираемся создать аналитику цивилизации, то она должна основываться на глубоких и всесторонних исторических исследованиях, проведенных историками или социологами, которые затрагивают фундаментальные институциональные структуры, лежащие в основе цивилизационных конфигураций. Только такие исследования открывают путь к пониманию того, насколько различны порождения исламской цивилизации, Китая и русской православной цивилизации.

Как я уже говорил, цивилизационный анализ более перспективен в осмыслении изменений и развития в нашем глобализирующемся мире, чем анализ, сфокусированный на государствах и экономиках. Конечно, это не единственные достойные исследования проблемы, но для многих исследователей сегодня главный вопрос заключается во взаимном влиянии (или упадке) основных цивилизационных конфигураций, например, «Запад» vs. Китай, Индия, Азиатский мир в широком понимании или Россия. БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) теряют свои позиции экономических лидеров, в то время как исламский мир не является игроком в современном мире. Некоторые авторы задаются вопросом: «Конкурентоспособна ли Россия?» Сравнительный анализ, основанный на глубоком историческом исследовании, даст плодотворные результаты и приведет к наилучшему пониманию вопроса.

— *Что бы Вы порекомендовали молодым социологам?*

— Моей рекомендацией молодым социологам будет, как говорил Бенджамин Нельсон, «потеряться» в исторических или современных проблемах, углубиться, насколько это возможно, в данные и источники. Вдобавок, я считаю, что у нас гораздо больше баз данных и источников для эмпирических обобщений, чем любой из нас в состоянии адекватно проанализировать. Только список баз данных по результатам опросов, проведенных американскими социологами и политологами за последние четыре десятилетия, составляет сотни страниц. Кроме этого, существуют целые библиотеки исторических материалов по каждому региону планеты, нуждающиеся в исследовании с целью эмпирических обобщений. Однако спонсирующие агентства скорее предоставят гранты на сбор новых данных, чем на тщательный анализ уже существующих бесплатных баз.

— *Расскажите, пожалуйста, о Ваших научных планах.*

— Я планирую работать над проектом, который посвящен изучению революции Средневековья. Именно в Средние века, по моему мнению, зародились основные интеллектуальные и организационные структуры, в частности, пра-

новой каркас современного мира. В этот же период были заложены и основы современной науки. Задача, таким образом, заключается в том, чтобы описать специфику и различия тех явлений, которые возникли в Европе, исламском мире, Китае, и, возможно, в православной русской цивилизации. Затем я планирую показать, как эти исторические расхождения проявились в последующие века, включая современность. Вместе с этим меня очень интересуют вопросы научно-технических основ Интернета, и то, каким образом западные правовые и гуманистические позиции обеспечивают западный мир все еще недооцененными преимуществами во всех областях. По очевидным причинам я подчеркнул важность правовых структур для понимания развития современности. В то же время необходимо провести большую социологическую работу по изучению влияния научно-технического прогресса на эпоху Интернета, подразумевая, что значительная часть достижений нашей цифровой жизни стала возможной благодаря научным и технологическим прорывам XX в., не имеющим отношения к Китаю или Азии в целом. Такого рода исследования были крайне важны для американских социологов начала XX в. — Уильяма Ф. Огберна и Роберта Мертона.

— *С какими исследовательскими центрами или отдельными исследователями Вы сотрудничаете?*

— Благодаря моим путешествиям по миру у меня появилось много знакомых ученых за рубежом. Когда я пишу о проблемах в других обществах или цивилизациях, о которых недостаточно знаю, я всегда консультируюсь у них. Наиболее близкий мне тематически научно-исследовательский центр, который я посетил, был, пожалуй, «Historisches Seminar» в Университете Утрехта. Эта исследовательская группа оказалась наиболее полезной для моих текущих проектов, хотя многие другие ученые по всему миру делились со мной своими мыслями.

— *Большое спасибо за интервью!*

Проведение интервью и перевод с английского Ю.А. Прозоровой

Литература

Ben-David J. *The Scientist's Role in Society*. Prentice Hall, 1971.

Berman H. *Law and Revolution. The Formation of the Western Legal Tradition*. Cambridge: Harvard University Press, 1983.

Brundage J.A. *The Medieval Origins of the Legal Profession. Canonists, Civilians, and Courts*. Chicago: University of Chicago Press, 2008.

Graham L. *Science in Russia and the Soviet Union. A Short History*. New York: Cambridge University Press, 1993.

Graham L. *Lonely Ideas. Can Russia Compete*. MIT Press, 2013.

Graham L. *The Ghost of the Executed Engineer. Technology and the Fall of the Soviet Union*. Harvard University Press, 1993.

Graham L. *What have We Learned About Science from the Russian Experience?* Stanford University Press, 1998.

Huff T. Introduction, in: *On the Roads to Modernity: Conscience, Science, and Civilizations. Selected Writings of B.N. Nelson*. Totowa, N.J.: Rowman and Littlefield, 1981.

Интервью с профессором Тоби Хаффом

Huff T. *Max Weber and the Methodology of the Social Sciences*. Transaction Books, 1984.

Huff T. Science and Metaphysics in the three Religions of the Book, *Intellectual Discourse*, 2000, 8(2), pp. 173–198.

Huff T. *The Rise of Early Modern Science: Islam, China and the West*. Cambridge University Press, 1993.

Lessig L. *Code and Other Laws of Cyberspace*. Basic Books, 1999.

Needham J. *The Grand Titration: Science and Society in East and West*. London: Allen & Unwin, 1969.

Nelson B. Civilizational Complexes and Intercivilizational Encounters, in: *On the Roads to Modernity: Conscience, Science, and Civilizations. Selected Writings of B.N. Nelson*. Totowa (N.J.): Rowman and Littlefield, 1981, pp. 80–106.

Pennington K. *The Prince and the Law, 1200-1600: Sovereignty and Rights in the Western Legal Tradition*. Berkeley: University of California Press, 1993.

Tierney B. *The Idea of Natural Rights: Studies on Natural Rights, Natural Law, and Church Law, 1150–1625*. Grand Rapids, Michigan: William B. Eerdmann Publishing Company, 1997.

Weber M. *Critique of Stammler*. Translated with an introd. by G. Oakes. Free Press, 1977.

Weber M. *Roscher and Knies: The Logical Problems of Historical Economics*. Translated with an introd. by G. Oakes. Free Press, 1975.